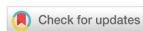

© 2025. Кабацков А. Н.

Воображаемый советский город

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yvzrep>

Воображаемый советский город в дневниках школьников (1945–1953 гг.)

Кабацков Андрей Николаевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

eLibrary Author SPIN: 6686-3537

<https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>

Scopus Author ID: 57200106463

afsnik@gmail.com

Аннотация: Целью исследования является выявление паттернов социального воображения советских подростков, находящихся на пороге самостоятельной взрослой жизни, в послевоенный период. Изучение их представлений о собственной роли в коллективном проекте будущего позволит определить и более точно описать место социализма в жизненном мире советской молодежи. Хронологические рамки исследования охватывают период 1945–1953 гг. Материалом послужили дневники советских школьников. Сельский подросток, горожанин и новосибирская школьница по-разному писали о собственной жизни. Институционально их объединили принадлежность к советской школе и принятие ценностей модернизирующегося общества: культ образованности, естественная вертикальная мобильность и дифференцированность социальной среды. Клара Гайнутдинова объединила принцип рационализма с идеализированными представлениями о справедливости и равноправии, заимствованными из этического кодекса коммунистической утопии. Николай Козаков создал утопичный нарратив о наукограде, частью которого он видел себя в качестве крупного исследователя природы и фауны. Арнольд Ожегов мечтал о замене политических догм на драматический текст, одним из авторов которого хотел видеть себя. Он был бы не против отредактировать социальную структуру социалистического общества, поставить литераторов и интеллектуалов (властителей разума) на места, занятые партийными начальниками. Фундаментом работы социального воображения представителей послевоенной молодежи стали нормы, ценности и символические коды урбанизированной версии советской культуры. Их коллективный социализм мог быть только городским.

Ключевые слова: советское общество, послевоенный социализм, социальное воображение, советский город, социализация школьника, эго-документы, личные дневники

Цитирование: Кабацков А. Н. Воображаемый советский город в дневниках школьников (1945–1953 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 983–998. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-983-998>

Поступила в редакцию 19.03.2025. Принята после рецензирования 23.06.2025. Принята в печать 23.06.2025.

full article

Imaginary Soviet City in High School Students' Diaries (1945–1953)

Andrey N. Kabatskov

Perm State National Research University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 6686-3537

<https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>

Scopus Author ID: 57200106463

afsnik@gmail.com

Abstract: The article outlines the patterns of social imagination in diaries of Soviet high school students in 1945–1953. Their descriptions of a collective future revealed the role of socialism in the life world of a young Soviet citizen. Although the general self-attitude seemed to depend on the rural or urban environment, the subjects were united by the same Soviet school and shared the values of a progressive society, i.e., education, natural

vertical mobility, differentiated social environment, etc. Diarist 1 combined the principle of rationalism with some idealized concepts of justice and equality borrowed from the ethical code of the communist utopia. Diarist 2 created a utopian narrative about a science city, where he would be a prominent researcher of flora and fauna. Diarist 3 dreamed of replacing political dogmas with a dramatic text of his own authorship, and party bosses with writers and intellectuals. The post-war youth based their future projections on the norms, values, and symbolic codes of urbanized Soviet culture: their collective socialism was of entirely urban nature.

Keywords: soviet society, post WWII socialism, social imagination, Soviet city, socialization of schoolchildren, ego documents, personal diaries

Citation: Kabatskov A. N. Imaginary Soviet City in High School Students' Diaries (1945–1953). *SibScript*, 2025, 27(6): 983–998. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-983-998>

Received 19 Mar 2025. Accepted after peer review 23 Jun 2025. Accepted for publication 23 Jun 2025.

Введение

Модернизация превращала советские города в большие индустриальные центры. Урбанизация, насаждаемая большевиками, должна была полностью вытеснить и заменить дореволюционные формы городской жизни с их мещанской культурой, социальным расслоением общности, смешением разных укладов хозяйствования. Теоретик советской урбанизации Н. А. Милютин заявлял: «принципы анархо-капиталистической системы строительства городов должны быть решительно нами отвергнуты, как ни в какой мере не соответствующие задачам переустройства нашего хозяйства и быта на социалистических началах. Мы должны решительно отказаться от "исторического наследства", как от чего-то не подлежащего критике» [Милютин 1930: 9]. Советский город задумывался как передовое, образцовое пространство для жизнедеятельности рабочих коллективов.

На деревню большевики смотрели немного иначе. Негативным фактором считался индивидуализм крестьян, ориентированных на ведение единоличного хозяйства. Колхозы должны были коренным образом изменить жизненный мир крестьян: «Не стоит у нас вопрос, выгодны ли колхозы или невыгодны. Не стоит и не будет стоять. Не стоит и не будет стоять вопрос, целесообразно ли для отдельных колхозников быть в колхозе или нецелесообразно, потому что этот вопрос тоже решен»¹. Естественный коллективизм рабочих противопоставлялся стремлению крестьян к автономии, самостоятельному ведению собственного хозяйства. И хотя в идеологической проекции коммунистического общества статусы

рабочих и крестьян уравнивались, в реальной практике хозяйствования городские рабочие занимали более высокий статус в иерархии трудящихся.

Индустриализация и политические кампании 1930-х гг. повлияли прежде всего на городскую среду. Даже известная массовая операция 1937–1938 гг. по приказу № 00447 в отдельных регионах принимала ярко выраженный социальный перекося: «Особенностью операции [в Прикамье] стала ее антирабочая направленность» [Лейбович и др. 2009: 137]. Город становился эпицентром социалистических преобразований по различным основаниям.

С. Коткин обратил внимание, что интенсивные преобразования большевиков приобретают черты социальной игры, моделируя взаимодействие власти и рабочих. Ключевым элементом для интеграции рабочих в политическую реальность большевиков стал особый язык. Обязательства по освоению «большевистского языка», как их представил исследователь, далеки от представлений о «двоемыслии» поздней советской эпохи. Единство слов и практик, активной деятельности по реализации пафосного смысла политической риторики большевиков было ядром преобразований социальной среды заводских поселков. «Заводской цивилизацией» метафорично обозначил «советскую версию индустриального города» американский историк [Коткин 2001: 282]. В таком подходе замечен отзвук известной теории урбанизма как «образа жизни» [Wirth 1938; по: Николаева 1997: 188]. Некоторые из последователей С. Коткина постарались отделить его идеи от урбанистической традиции, сделав радикальный

¹ Сталин И. В. Речь 2 июля 1934 г. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 4. 1934–1936*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 186–192. URL: <https://istmat.org/node/39964> (дата обращения: 03.03.2025).

акцент на политическом давлении власти, принуждавшей людей изменить собственное мышление – «революционизировать сознание» [Хелльбек 2017]. Впрочем, такие радикальные подходы не получили массовой поддержки в среде отечественных историков.

В то же время его идея «большевизации языка», ориентирующая на социальные преобразования, была позитивно принята научным сообществом. Она органично дополнила работы по изучению сталинского общества, которые в то время вели отечественные исследователи.

Н. А. Купина обратила внимание на формирование особого «тоталитарного языка», который связывал идеологические установки с репрессивной политикой сталинизма [Купина 1995]. По мнению О. Л. Лейбовича, фактор языка следует учитывать не только в идеологическом контексте. В сталинском обществе язык стал инструментом социального управления, связующим звеном между проективным образом социализма и реальными практиками людей, его деятельность основана закреплена в мифологической картине мира: «В новой мифологической картине мира образы вербализованы. В ней господствует слово. Вождь говорит. Вождь пишет. Вождь читает. Тем самым он создает модель для подражания. Те, кто умеют связно произносить и записывать слова, занимают вершину социальной иерархии. <...> Слово – главный поступок. В пределах советской культуры жить означает вписывать новые строчки. Умереть – значит быть стертым из текста. Управлять – редактировать текст. Слово самоценно и самодостаточно. Это не знак вещи, события, или действия. Напротив, вещи, события, действия есть лишь несовершенные воплощения слов» [Лейбович 1998: 91–92]. В современных работах идеи С. Коткина по-прежнему востребованы.

Другой вектор обсуждения советского градостроительства задали работы Е. Добренко о культурной топографии соцреализма. Метафора города-сада, предложенная им в 1998 г., позволяла соотнести советский опыт градостроительства с дореволюционной риторикой о перспективах развития городов. Тем самым советский город рассматривался как этап реализации модернистского проекта со своими специфическими особенностями, характеризующими общий характер сталинской модернизации в качестве властной и репрессивной политики преобразования общества [Добренко 1998].

Концепция культурной оболочки, в терминах Е. Добренко – политэкономии соцреализма, введенная им в качестве первоосновы социальных изменений, подчеркивала значимость ценностей, норм и символическую аранжировку сталинской политики. Методологически это сближает исследования Е. Добренко с работами М. Вебера по истории протестантских ценностей, ставших ядром предпринимательской культуры [Вебер 1990].

За тридцать лет дискуссии о социалистическом городе прошли заметный путь. Современные исследователи стремятся учитывать теоретико-методологические основания исходной полемики, дополняя их конкретной исторической интерпретацией. На примере обзора уральских промышленных центров А. А. Фокин подчеркивает потенциал возможностей, который создавала политика большевиков по преобразованию природной среды, городского типа культуры и социальной идентичности в единый социалистический миф – составную часть коммунистической утопии [Фокин 2017: 15–73; 2022: 95]. В предложенном им очерке отчетливо прослеживается идея синтеза методологических подходов С. Коткина и идей о соцреализме как культурном феномене, развивавшаяся Е. Добренко.

Интересный ракурс дискуссий о социалистическом городе предлагает И. Н. Стась. Он отмечает, что позитивистски настроенные исследователи буквально восприняли тождество идей большевиков и практику преобразований городов. Идеальный город большевиков был утопическим проектом, но помимо этого он был прежде всего ценностным ориентиром: «В сталинском индустриальном социуме мечты о городе представляли собой советский вариант известного понятия "право на город", разработанного А. Лефевром и Д. Харви как ответ капиталистическому урбанизму» [Стась 2022: 87].

Исторические исследования, обращающиеся к архивным материалам, иллюстрирующим процесс становления и развития советского города в его реальном социальном воплощении, подтверждают разрыв между проектами городского социализма и реальными условиями повседневной жизни горожан. В исследованиях А. В. Мордвинцевой на примере Тюмени показано, что усилия местных властей, возобновивших курс на возведение социалистического города в послевоенные годы, так и не были полностью реализованы: «Была разработана схема генерального плана застройки города, формируется его идеологический центр – на территории

бывшего базара, создается центральная площадь, на которой должны были расположиться главные советские и партийные учреждения. Но в течение всех послевоенных лет Тюмень так и не приобрела набор обязательных для крупных городов признаков, таких как высокий уровень развития системы магистралей и городского массового транспорта, преобладание застройки в 4–5 этажей и выше, большая площадь зеленых насаждений» [Мордвинцева 2010: 17]. Схожие замечания можно привести и для уральского индустриального центра: «Молотов 1930–50-х годов едва ли являлся городом в подлинном смысле этого слова. Замкнутые "заводоцентрические" мирки рабочих поселков образовывали суммативное, а не системное целое, единое социальное пространство не сложилось» [Кабацков, Казанков 2010: 135].

Возвращение к методологии междисциплинарных исследований, предлагаемое современными исследователями советской урбанизации, смотрится наиболее плодотворным подходом для изучения сложной реальности советского прошлого. Интерпретация декларируемых в сталинском политическом тексте идей как догматической программы социальных преобразований выглядит наивно. На юбилейной конференции по Истории сталинизма О. Л. Лейбович, делая доклад, вспоминал дискуссию Н. Бухарина и И. Сталина в конце 1920-х гг. о теоретическом и практическом подходе к формированию ориентиров хозяйственной политики. Он подчеркивал сложный характер взаимоотношений между доктринальной и прагматической составляющей сталинских идей [Лейбович 2023].

Политический текст большевиков воздействовал прежде всего на коллективное воображение, ориентируя его согласно политическим трактатам. По мнению Д. Бранденбергера, большевики создавали нацию по лекалам модернистской культуры. В отличие от европейской традиции объединяющим культурным кодом стала не общность истории, а воображаемая солидарность на базе коллективизма, через которую и пролегал путь в коммунистическое будущее [Бранденбергер 2009: 57–80]. Таким образом, важнейшим фактором социальной деятельности в советском государстве становился разрыв с прошлым, с его социальным и культурным наследием. К. Мангейм считал, что конфликт с настоящим ради воображаемого будущего характерен для утопического типа мышления: «будем считать

утопичной лишь ту "трансцендентную по отношению к действительности" ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» [Мангейм 1994: 164].

Настоящее исследование опирается на понимание советской урбанизации как культурного и политического проекта, нацеленного на преобразование социальной реальности. Следует различать область идей и социальной активности, но одновременно понимать, что для сталинского прошлого политический текст не должен анализироваться отчужденно от практической деятельности. Автор отдает себе отчет, что единство слов и мысли не является естественным, что накладывает ограничения на круг исторических источников, которые могут быть использованы для продуктивных исследований в указанном методологическом ключе. Источникам и техникам работы с ними уделено пристальное внимание ниже.

Цель исследования – выявить паттерны социального воображения советских подростков, находящихся на пороге самостоятельной взрослой жизни, в послевоенный период. В дихотомии будущего и прошлого, новаций и традиций они чувствительнее других групп ориентировались на перспективы грядущего. Изучение их представлений о собственном месте в коллективном проекте будущего позволит определить и более точно описать место социализма (и коммунизма) в жизненном мире советской молодежи.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1945–1953 гг. Последствия войны серьезно отразились на послевоенной жизни. Победа над фашизмом породила надежды и завышенные, по мнению властей, ожидания от социализма. В 1952 г. И. В. Сталин вынужден был одернуть нетерпеливых сторонников ускоренной модернизации: «к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных, истин и вынуждены блуждать в потемках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя, и они начинают воображать, что Советская власть "все может", что ей "все нипочем", что она может уничтожить законы науки,

сформировать новые законы»². Стоит отметить, что ожидания порождала властная пропаганда, усиленно воспевавшая успехи послевоенного восстановления городов, промышленности и народного хозяйства в целом.

Для исследования социального воображения требуются особые исторические источники. Они должны сохранить голоса людей, показать их мечты и образы грядущего. Такой материал содержат эго-документы, прежде всего дневники. Н. В. Суржикова подчеркивала уникальные возможности источников личностного происхождения: «характеризующиеся неперенным присутствием "Я" и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущения» [Суржикова 2014: 6]. В них можно найти и образы воображаемого, и оценки с рефлексией, и откровенные суждения автора эго-текста о собственной жизни.

Дневниковое повествование вряд ли следует упрощать до частных заметок о жизни отдельного индивида. «Документ репрезентирует нас (наше знание, опыт, память или личность как таковую) в социальном мире постольку, поскольку *удостоверяет*» [Каспэ 2013: 8]. Дневник, содержащий прямую речь автора, гораздо ближе напоминает голос человека, чем иные исторические источники. Рассказ о себе, принимающий форму дневника, уже нечто большее, чем набор реплик в жанре самоописания. По мнению Ю. П. Зарецкого, автобиографические рассказы следует рассматривать в качестве особого рода социальных действий [Зарецкий 2021: 24]. Они представляют собой не просто текст, а коммуникативный код, позволяющий автору выстраивать общественные отношения с Другим. Интерпретация такого кода историком позволяет увидеть социального субъекта в его связи с социальным временем, культурой, общественными отношениями и поступками, которые определяют ритмы существования реальных групп и сообществ. Специфику работы с эго-документами наилучшим образом воплощают методологические ориентиры микроистории, когда частное и локальное, проявляющееся в жизни отдельных людей, рассматривается исследователем в качестве признака более масштабных тенденций, общественных настроений или коллективных установок.

М. М. Бахтин отмечал применительно к литературным текстам неразрывную связь авторского

замысла или речевой воли говорящего с объективным миром, предметно-смысловой стороной действительности [Бахтин 1986: 447]. В дневниках можно наблюдать, как регулярные заметки создают автобиографический нарратив о социальном герое. В чередующихся изо дня в день записях автор формирует набор сюжетов и ролей для диалогического рассказа о собственной субъектности, активно проявляя свое социальное Я. Повествование избирательно согласуется с ценностями и нормами большого общества. Герой повествования превращается в свидетеля и соучастника событий коллективной истории.

Следует отметить, что в привлекаемых дневниках поэтический текст, через который И. Л. Савкина анализировала в свое время автодокументальные тексты в русской литературе, выражен слабо [Савкина 2007: 90–100]. Впрочем, идеологический нарратив также не воспроизводится буквально. Эту особенность дневников отмечала И. М. Савельева, обратившая внимание на то, что даже в условиях войны советские люди «оставили не похожие на официальные ни в плане выражения, ни в плане содержания свидетельства личного экстремального опыта» [Савельева 2021: 29–30]. Отход от клишированного текста подчеркивает ценность такого рода источников. Как показала С. Бойм, советская субъектность не предполагает слепого воспроизводства догматических формул [Бойм 2002: 290–292]. Напротив, отход автора дневника от клише, жанровое и стилевое разнообразие, накладываясь на сюжеты повседневной жизни, позволяют историку воссоздать социальную реальность прошлого в ее социальной глубине: «Эпоха в дневнике Т. Д. Рожковой проявлялась прежде всего в тех риторических моделях и шаблонных образах, которые были актуальны в свое время и явно или неявно служили образцами для дайаристики. Именно поэтому фрагменты дневника Т. Д. Рожковой и напоминают то страницы любовного романа, то репортажные зарисовки, то дорожные записи, то поэтические тетради, то пейзажные этюды и т. д., и т. п.» [Лебедеко, Суржикова 2021: 178].

Дневники представителей разных сообществ и групп могут обладать собственными особенностями. Михаил Мельниченко, известный популяризатор дневников в качестве исторических свидетельств, отмечал во время круглого стола «Как работать

² Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. In: Сталин И. В. *Сочинения*. М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 159.

с дневниками?»: «у подростков Оттепели был такой особый кураж, когда они как будто хотели выше головы прыгнуть на письме дневников. <...> И он начинает "врубать" или большого писателя, или великого мыслителя. Но мы можем доверять этому документу, если мы поймем, кому автор хочет понравиться» [Сивков 2024: 33–34]. Дневник зависит и от социальной позиции автора, и от условий, которые дали импульс к его производству как текста. Дневники блокадного Ленинграда, как отмечала И. М. Савельева, обладают высокой согласованностью содержания записей по темам, опыту и эмоциям [Савельева 2021]. Единство коммуникативного текста особенно ярко проявляется в изданной по инициативе М. Мельниченко и сайта «Прожито» подборке дневников «Я знаю, что так писать нельзя...: Феномен блокадного дневника»³. Указанные факторы учитывались в процессе работы с дневниками подростков.

Для анализа утопического мышления при помощи дневников требуется, чтобы их авторы были знакомы с политическими текстами своей эпохи, активно читали и свободно ориентировались в языке, используя его для описания различных ситуаций, передавая на страницах дневника с его помощью собственные оценки ситуаций и эмоциональную реакцию. Благодаря избирательности автора эго-текста, отделяющего значимое от незначимого, автобиографический рассказ превращается в повествование о социальном времени, т.е. его смысл выходит за рамки индивидуальной судьбы.

Результаты

Привлеченные дневники объединяет ряд характеристик. Их авторы, молодые люди, обучались в старших классах советской школы, любили читать, по собственной инициативе активно знакомились с новинками советской литературы и кино. Они не сомневались в превосходстве советского государства. В анализируемых текстах есть рассказ о себе как представителе подростковой группы. Тематически можно было бы рассмотреть дневники как часть подросткового дискурса об окончании детства: «репрезентирующего историю и культуру детства в категориях и смыслах самих детей. Подобного рода тексты встраиваются в общую палитру текстов о детстве и дополняют живыми

переживаниями дискуссионную "картину детства" определенной эпохи» [Ляшок 2013: 149]. Выбран был иной ракурс. Катриона Келли отмечала: «советская школа уделяла не меньше внимания воспитанию, чем образованию и обучению» [Келли 2004: 110], но в центре ее исследования размещена школьная повседневность как самодостаточная социальная реальность. В данном исследовании воспитание в школе помещается в идеологический контекст. Процесс идеологического освоения окружающего мира в советской школе даже в поздний сталинский период не был беспроблемным [Чашухин 2015: 236]. По текстам дневников заметно, как наши герои ориентировались на социальные образцы, располагавшиеся за пределами школьных миров.

По мнению И. Кукулина и коллег, изучавших процесс диверсификации советского образования в 1940–1980-х гг., школьное обучение подталкивает мышление субъекта к проектированию будущего по канонам социальной утопии: «Поскольку образование всегда направлено к будущему, оно неотделимо от создания образа желаемого будущего и поэтому всегда связано с утопией. С другой стороны, будучи деятельностью конкретных личностей в конкретной материальной среде, образование осуществляется через претворение утопических целей в технологию, то есть проектирование определенных способов достижения этого будущего. Утопия и проект являются неустраняемыми измерениями любой образовательной деятельности» [Кукулин и др. 2015: 12–13].

Авторы привлекаемых дневников учились в типичных советских школах, где школьная администрация не увлекалась экспериментами. Школа не могла удовлетворить их запрос на социальные изменения, поэтому их социальное воображение охватывает не только школьные миры, но и социальные порядки большого общества. Вглядываясь в грядущее, они стремились обрести новую субъектность, в разной степени, но отдаленную от школьной среды, приспособленную под иные практики социальных взаимодействий.

Для советских детей школа была пространством образования, воспитания и подготовки к жизни в коллективе. Иерархия образовательного пространства переносилась в тексты дневников, задавала ориентир оценок и суждений. Критикуя учительницу,

³ Я знаю, что так писать нельзя...: Феномен блокадного дневника, сост. А. Ю. Павловская, науч. ред. Н. А. Ломагин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с.

Клара Гайнутдинова противопоставляла авторитету классной руководительницы собственное признание среди одноклассников, демонстрируя к тому же высокий уровень личностной самооценки. Перехитрив военкома, Николай Козаков ощущал свой исключительный статус сына школьной учительницы. Критически и одновременно пафосно оценивая себя, Арнольд Ожегов подвергал сомнению критику нигилизма, услышанную им из уст учительницы литературы: *Чорт! Ну, почему мне хочется стать выдающимся и среди окружающих? Ведь у меня дурной характер. Силы воли нет. Да и что именно хорошего во мне? С чего я взял, что должен быть лучше всех. Но я вот пишу это, а в душу не входит*⁴.

Привлекает внимание то, что в рассмотренных дневниках идеологический текст, догматическая версия советского языка встречались редко. Перед нами авторская версия описания школы, сделанная с позиций ученика, его желаний, мечтаний и ценностных установок. В дневнике Клары Гайнутдиновой⁵, 16-летней школьницы из Новосибирска, явственно прослеживается стремление автора навести порядок, устранить нарушения, которые она распознала в школьной среде. Обостренное чувство социальной справедливости побуждало Клару наедине с собой резко высказываться, смешивая бытовые и социальные проблемы в единый клубок противоречий: *Почему же она прекрасно одета, а я нет, почему она бросает белые булки с маслом собакам на улице, а у нас часто дома даже чёрного хлеба нет? Почему это так? Ну, хорошо, отец заслужил, а она-то здесь при чём? Ну, со мной сравнивать ещё что! Я одета вполне прилично, гораздо лучше многих других. Но другие-то дети?! Разве я не вижу. Ходят в заплятанных платьях и чулках, полуголодные, редко ходят в кино, в театр. И ничего удивительного нет в том, что они иногда плохо учатся. А и к ним, и к таким, как Светка, предъявляют одинаковые требования, да ей ещё нередко завышают отметки*⁶. Истинным виновником нарушения принципа справедливости она считала школьную администрацию, которая покровительствовала девочке из номенклатурной семьи.

Клара убеждена в естественном праве критически проверять решения вышестоящих, если они затрагивали ее школьную жизнь: *Вчера у нас была линейка, а потом классный час. На линейке М.П.⁷ «иносказательно» упомянула обо мне «девочка в 8«г» из комсомольского актива позволяет себе обсуждать приказ министра». Подумаешь! Приказы на то и издаются, чтобы их обсуждать*⁸. В дневнике Клара много внимания уделяла школьным конфликтам, обсуждала социальные и статусные различия. В старших классах она стала смотреть на школьную жизнь как на лабораторию жизни, где можно проверить поведение взрослых, учителей и школьной администрации на соблюдение норм социалистической культуры.

Конфликтный характер собственных социальных взаимодействий с классной наставницей она интерпретировала как нарушение школьных норм со стороны взрослых. Права советского школьника в ее глазах – высшая ценность. Администрация или учитель не должны их нарушать. Ее версия школьных историй, изложенная в серии заметок о себе, подругах и школьной жизни, основана на противопоставлении интересов коллектива подростков и взрослых. Учителям и представителям школьной администрации она отказала в праве на социальную солидарность, рассматривая их в качестве индивидов, размещенных на различных ступенях властной иерархии.

Из школьных эпизодов она создала развернутую историю, повествование о способах и путях взросления городского подростка. На страницах дневника она смогла осознать ролевую иерархичность школы, оценить неоднородность социального устройства ключевого института социализации детей в качестве граждан советского общества. Текст дневника позволил ей осознать субъектность, выделить собственное Я и соотнести его с поведением подруг, реакциями классного коллектива и действиями взрослых.

Отталкиваясь от навыков рассказа про школьную жизнь, она пробовала расширить границы повествования, передать собственные ощущения

⁴ Дневник А. Ожегова. Запись от 28.02.1945. Сохранена орфография оригинального текста (Электронная копия). *Личный архив автора*.

⁵ Клара Гайнутдинова начала вести дневник в 1952 г., когда училась в старших классах женской школы г. Новосибирска. Записи достаточно подробные, временами обширные, но не совсем регулярные. Иногда перерыв между записями был более месяца.

⁶ Дневник К. Гайнутдиновой. Запись от 11.12.1952. (Электронная копия). *Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний*. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/2584> (дата обращения: 03.03.2025). Сохранена орфография оригинального текста.

⁷ Марина Павловна Михайлова, директор школы, в которой училась Клара Гайнутдинова.

⁸ Дневник К. Гайнутдиновой. Запись от 01.04.1952. Сохранена орфография оригинального текста.

от города. Этот опыт оказался менее вдохновляющим. К спонтанности происходящего на улицах оказалось сложно подобрать жанровый подход, чтобы остаться главной героиней рассказа. Драматизм городских происшествий заставил ощутить опасность большого мира: *Я сегодня чуть-чуть не попала под машину. Сзади машина, остановиться я не могу, скользко, впереди тоже машина. Самое большее, она затормозила за полметра от меня. Я даже как-то почувствовала ее. Я на какое-то мгновение так и решила: все, сейчас мне отрежет ноги или голову. Остановиться не могу никак. Хорошо, шофер резко затормозил. Я оглянулась, он покраснел весь, глаза блестели, качает мне головой. Только через минуту, примерно, я опомнилась. У меня даже ноги задрожали, я прислонилась к стене, идти не могу. Потом пошла, но долго еще не могла успокоиться. Одна секунда – и от меня остался бы лишь кровавый кусок мяса⁹*. Образ беспомощной жертвы ей не понравился.

Клара попробовала писать о себе в стилистике романтического рассказа, ориентируясь на классическую литературу. Заметки о первой любви насыщены фразами, которые должны передать душевные терзания, переживания и даже возвышенные мечты. Роль показалась Кларе малопривлекательной. Постепенно повествование о мальчиках исчезает со страниц дневника. Трагедия и романтизм не подошли ей для рассказа о себе. Она видела себя деятельной, яркой, решительной.

Только для школьной жизни она нашла интеллектуальную традицию, позволившую ей разглядеть за рутинной повседневности напряжение социальных отношений. В жанре автобиографического текста она попробовала рассказать о конфликте ценностей подростков и школьной администрации. Оценила происходящее с позиций эталонных ценностей социализма – принципа справедливости и социального равенства – и обнаружила обособленность привилегированных групп в советском обществе, давление на собственную индивидуальность со стороны школьной администрации. Осознала, что ее возможности ограничены. Попробовала иные жанры, сюжетные линии для развития нарратива о себе, но они показались ей недостаточно привлекательными. И Клара прервала свои записи.

Несколько иная версия социального повествования об историческом времени, идеалах и ценностях представлена в дневниках сельского школьника Николая Козакова. В начале войны он вместе с матерью был эвакуирован. Поселились они в сельской глубинке Горьковской области. Дневник Н. Козаков начал вести в 1945 г. За два года он освоил новый для себя опыт, его рассказы о себе стали подробными и пространными. Стоит заметить, что о довоенном детстве в Ленинграде на страницах дневника он никогда не вспоминал. Его очерки посвящены повседневности, часть их репрезентирует авторские представления о перспективном будущем. С позиций исследователя следует отметить, что ленинградское прошлое незримо присутствовало в его повествовании. Оно проявилось в суждениях и оценках, оправдывало критическое отношение к школе, к сельской жизни. Ему многое не нравилось в жизни, подчинявшейся условностям деревенского быта. В мечтах он видел себя советским ученым, знаменитым биологом-натуралистом.

В глазах Н. Козакова сельская жизнь заполнена рутинной. О ней не стоит зачастую даже писать. Он стремился сконцентрироваться на том, что, по его мнению, разрушало деревенский пасторальный быт. Так, поездка в районный центр превращается в особенное событие: *Первым делом, когда приехали в город, пошли в ресторан. Там выпил чаю с конфетами и пирогом с яблоками. Оттуда пошли в РОНО. Когда уходили оттуда, мама стала закуривать на крыльце. Вдруг позади нас послышался страшный грохот и крики. Я обернулся – оказалось, что рухнул пол в сенях вместе со стоящими на нем девушками-студентками. Особенно ничего не было, все были смертельно напуганы, и только одна сильно ушибла и ободрала себе ногу. Оттуда мы пошли вниз – мама в сберкассу, а я в парикмахерскую и затем по магазинам¹⁰*. Впрочем, местный райцентр – ненастоящий город. Сгнившие домики, готовые обрушиться, делают его малопривлекательным, несмотря на возможность встретить там студенток из Горького.

Город его мечты населяли ученые. Одному из них он писал письма, стремился поделиться собственными наблюдениями за лесными птицами: *Утром сегодня сдал на почту письмо проф[ессору]*

⁹ Дневник К. Гайнутдиновой. Запись от 23.02.1953. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁰ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 6. Запись от 30.04.1947. (Электронная копия). *Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний*. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 03.03.2025). Сохранена орфография оригинального текста.

Пузанову¹¹. Он считал, что имеет на это право благодаря собственной начитанности и опыту натуралиста, исследователя окружающей природы. На страницах дневника он подчеркивал свою любовь к чтению книг: *После уроков я пришел домой, попил чаю и опять пошел к Ванюшке. Он мне дал книгу «Повесть о сыне» Е. Н. Кошевой. Я её прочитал вечером – замечательная книга*¹². Ощущения собственной образованности – фундамент его представлений об идентичности городского жителя. Играя словами на страницах дневника, он внезапно замещал слово *похмелье* на немецкий термин: *Вечером я делал уроки и записывал в дневник за время Katzenjammer'a*¹³. Подмена помогала выделить собственное Я, символически закрепить через заимствование слов из немецкого языка отличия себя от менее грамотных одноклассников.

О поездке в Москву он рассказывал в жанре приключений, фокусируясь на происшествиях: *Приехав в Москву, мы наняли такси «Победа» и поехали к тете Лиле. Езда в машине замечательная, но шофер был жулик и обдул нас на 12 р[ублей], т. е. вдвое*¹⁴. Но серия записей выглядит скорее как критический рассказ об экзамене на горожанина. Подчеркивалась необходимость быть постоянно настороже: *Потом с Андрейкой (двою[родный] брат) пошли в планетарий. Дорогие цены в Москве! Пока мы ехали в трамвае, у нас свистнули 300 р[ублей] с лишком. В планетарии мы все равно были. Мне там очень понравилось. Из планетария мы поехали домой*¹⁵. Московский быт подвергается критике. Николай Козаков считал себя вправе осудить москвичей за жадность, дороговизну и стремление к наживе. В сельской местности он невольно привык к натуральному хозяйству и обмену. Его критический настрой о высоких ценах и множестве опасных незнакомцев стали тревожной весточкой, что реальная городская жизнь расходится с его эталонными ожиданиями, с его воображаемым городом, где он собирался учиться, работать и совершать научные открытия.

Его культурные предпочтения носили смешанный характер. Литература, кино и советские газеты поддерживали его в стремлениях добиться успеха, найти собственное место в социалистическом обществе.

Он целенаправленно стал готовиться к новому этапу в своей жизни, который должен был начаться после поступления в Горьковский университет на отделение биологии. Старался хорошо учиться, не без уловок и хитростей, но успешно сдавал экзамены, заработал серебряную медаль. Стал заботиться о внешнем виде, пробовал писать стихи, подражая литературным героям, стремился в поэтической форме отразить метания души. Чаще стал делать записи, подчеркивающие его отличия относительно сельских парней. Резко критиковал одноклассников за невежество, грубость и склонность к спиртному.

В своем воображении он конструировал идеальный город, смешивая детские эмоции, семейные рассказы о жизни в Ленинграде с идеологическими текстами о послевоенном восстановлении народного хозяйства страны. Его город будущего строила советская молодежь с опорой на последние достижения науки. Участником научного прорыва он видел себя. В своем воображении он давно вышел за границы деревенской околицы.

Отличия города-утопии Н. Козакова от нарративов социалистического проекта – в деталях. Он игнорировал идеологический паттерн советского коллективизма, предписывавший говорить, писать и мыслить в терминах единства социальной базы деревни и города. Реальность сельской жизни его тяготила. В односельчанах он видел скучных, грубых и неинтересных людей. Повседневный опыт существования в сельской местности, даже когда он с матерью сменили совсем уж отдаленную деревеньку на жизнь в крупном деревенском поселении на берегу Волги, где имела собственная пристань, никак не напоминала то, о чем он читал в книгах или видел в кино.

Одной из ранних форм его бегства от деревенских забот было увлечение охотой. Владение ружьем позволило ощутить себя старше и одновременно дало материал для создания в дневнике собственной версии «охотничьих рассказов». Описывая опыт походов в роли натуралиста-охотника, он заявлял о своем отличии от сверстников, которые либо были заняты в домашнем хозяйстве, либо праздно проводили время на улицах.

¹¹ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 27.01.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹² Там же. Сохранена орфография оригинального текста.

¹³ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 24.01.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁴ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 10.02.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁵ Там же. Сохранена орфография оригинального текста.

Его стремление обособиться, возможно, связано с заиканием, о котором он подробно рассказал лишь когда, повзрослев, поехал исправлять особенности речи в Москву. Тем не менее его опыт автобиографического повествования о себе увлек воображение и на страницах дневника позволил создать особое социальное пространство, приспособив его под собственные мечты.

Он игнорировал групповые формы солидарности как в рассказах об охоте, так и в школьных историях. Привлекала его только интеграция в сообщество ученых. С ними, воображаемыми властителями сокровенных знаний о природе, он стремился связать собственную судьбу. В 1950 г. Николай Козаков поступил в Горьковский университет на биологический факультет, как о том и мечтал. Он не смог учиться в желанном университете. Профессора, в коих он ожидал увидеть дружески расположенных наставников, оказались не особо открыты для общения. Учебные занятия требовали ежедневных посещений, выполнения формальных заданий, подчинения жизненного уклада строгому расписанию. В советском городе и университете не увидели индивидуальности сельского натуралиста-любителя, не распознали его высоких устремлений, не отметили какой-либо ценности в его частных инициативах. Социалистический город и советская биология не нуждались в индивидуале Николае Козакове. И тот вынужден был отчислиться и уехать обратно в деревню. Ему удалось получить высшее образование с третьей попытки, заочно в Москве и совсем не по той специальности, которая была в его воображении, когда он мечтал об университете и собственном будущем. Столкновение с реальной версией социалистического города разрушило утопию сельского подростка, мечтавшего о наукограде социализма.

Обратимся к представлениям о собственном будущем, на которые ориентировался уральский подросток Арнольд Ожегов¹⁶. Его семейная жизнь и личная судьба оказались вплетены в историю становления советской номенклатуры. Отец занимал должность секретаря по строительству и материалам в Молотовском обкоме ВКП(б). Мать была врачом в местной больнице. В детстве и раннем

подростковом возрасте он приобщился к хорошей жизни, о которой большинство окружающих могло лишь мечтать. Смерть отца в 1942 г. от туберкулеза лишила семью доступа к благам. Статус матери, работавшей на должности главного врача местной больницы, некоторое время сохранявшийся круг знакомств и родственных связей очень слабо смягчали утрату престижных позиций. Пришлось съехать со служебной квартиры. Исчез привычный комфорт и беззаботность повседневного существования, которые обеспечивали номенклатурные блага и социальные связи.

Дневник Арнольда Ожегова повествует о его стремлениях использовать культурный капитал, обретенный в семье, для личностного роста и карьеры. Он был серьезно начитан, засиживался с книгами до утра: *Очень много читал. Мало – часа по 3–4 в сутки – спал. Был доволен на 90 %. Последнее время книг много; записался в биб[лиоте]ку, привез из Молотова шт 15, но уже не так тянет к ним, хоть и по-прежнему читаю много*¹⁷. Впрочем, его повествование в дневнике о себе совсем не похоже на литературную жизнь героев прочитанных книг. Не хотелось ему подражать и ближайшему окружению. В их адрес редко можно прочесть в дневнике что-то хорошее.

Героев для подражания он нашел в персонажах, которые во время демонстраций стояли на главных партийных трибунах страны, о ком писали газеты, в тех, кто в СССР были вершителями судеб. Его ориентиром стали истории успеха советских писателей, литераторов, которые получали государственные награды и премии. Известность, доступ к дефицитным благам, сопровождавший их жизнь, престиж и почет со стороны публики особенно привлекали уральского старшеклассника. Он сильно завидовал знакомому, который оказался на какой-то миг в ситуации потенциального карьерного взлета: *Туркин вернулся из Москвы. Еще не видел. Со слов Баранова: он писал Жданову, его приняли в СЕП с распростертыми объятиями. Обещают все, кроме денег, от творческой командировки до консультаций у любого поэта (пишет он поэму о Сталине). Тема скользкая, трудная. И сейчас ему уже не вернуться назад. Широко размахнулся. При малейшем*

¹⁶ Арнольд Ожегов (1929–1982) – журналист, корреспондент пермских газет «Звезда» и «Молодая гвардия», сотрудник редакции Пермского книжного издательства. Член Союза журналистов СССР. Вел дневник в 1945–1951 годах. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/6731/1> (дата обращения: 03.03.2025).

¹⁷ Дневник А. Ожегова. Запись от 21.12.1945. Сохранена орфография оригинального текста.

намеке на удачу, освобождают от работы и сажают на оклад, только пиши¹⁸.

Литература и театр для нашего героя только инструменты на пути к цели. Его настоящий идеал – люди власти. Смерть одного из идеологов послевоенного сталинского государства помогает прояснить статусные черты героя его мечтаний: Умер еще один умнейший человек, один из лучших людей века. У гроба в почетном карауле сменяются Герои Советского Союза, социалистического труда, Лауреаты сталинских премий, стахановцы московских предприятий. <...> каждый из нас будет стремиться раз[нрзб]ся в Жданове. Андрей Александрович Жданов был настоящий человек. Каждый должен быть таким. Литератор особенно. Тогда и настанет тот расцвет литературы, искусства, о котором, я думаю, так мечтал Жданов. Отбросив шелуху банальщины с этой фразы, я говорю: мир праху твоему, товарищ Жданов! Я буду стараться быть хоть немного достойным его¹⁹.

Арнольд Ожегов стремился вернуться в круг избранных, номенклатурную среду высшего ранга, частью которой была его семья, когда жив был отец. Он не смог этого забыть: Чорт возьми! Лежу и по радио слышу: Гусаров – член Президиума Верховного Совета СССР. Гусаров, с которым 3 года жил я под одной крышей; Гусаров, которого я так часто видел; Гусаров, сына которого лупил мы снежками; Гусаров, жена которого преподавала нам историю; Гусаров, с которым я имел честь кататься на лыжах, Гусаров, который в 42 г. в соседнем со мной подъезде принимал у себя Ворошилова; Этот Гусаров член Президиума Верховного Совета СССР !!! Член Президиума. Эх, папка, папка! Жить бы тебе!²⁰

Жизненные ситуации, общение с людьми, имевшими доступ к особым материальным благам, постоянно напоминали ему об утраченном счастье: Регину встретил. И сразу почувствовалось что-то не то. Она была в том же: в русских сапогах, ладно сидящем пальто с каракулем, моим комс.[омольским] значком на нем, только вместо шали, модная шапочка, подтянутая шарфом и с муфтой. <...> А я ...В плохо сшитой кепке, в демисезонном пальто (со всеми пуговицами

на месте) с шолковой подкладкой, которой никто не видел, в сапогах, с которых мне очень жаль было счищать кавказскую грязь, но пришлось, с кожаной, потрепанной, выдавшей вида, полевой сумкой Лебедева²¹.

Он пробовал писать пьесы, решил заявить о себе текстом о С. А. Есенине: Опять сели с Федькой за Есенина. Теперь работа над ним приобретает систематический характер. Это после того, как достали библиографию Владиславлева (1917–1927гг). Тетрадь за тетрадью заполняются фактами, воспоминаниями, стихами. Жаль, что стихов самого Есенина не прибывает. Вот сегодня взял 2 издания "Радуницы" – 7 вещей новых. И это всё, за долгое время. У нас очень мало книг Есенина. Надежда на гастроли, – др[угие] города, др[угие] биб[лиоте]ки²². Но попытка закончилась ничем. Ему была чужда и непривычна напряженная, монотонная повседневная работа. Он увлекался, загорался проектами и бросал множество из них, не доведя до конца.

Пропуски уроков, несданные экзамены не позволили поступить в университет. С трудом, пересдавая экзамены, пробился в техникум. Но так и не смог уговорить себя, что он типичный представитель городской молодежи. Он постоянно ощущал себя чужаком среди сверстников. В окружающих, в одноклассниках или горожанах он видел все тех же скучных и неприятных обывателей, которых клеймил еще в школьные годы на страницах дневника: Я не доволен. Ни социальным своим, и общественным положением, но этого, допустим, я могу достичь сам. Но мне не дают писать. Дело никак ни в моей бесталанности. Талант, я знаю, дело наживное. Но мне подсовывают «высокоидейную» шваль. «[нрзб.: Целеустремленность]» а куда? К [нрзб.: чорту?] или к коммунизму? Разве так стремятся к коммунизму. Ведь теперь тот же литературный упадок, обнищание мысли, кроме разве науки, я в ней не петрю. Высокая [нрзб.:...рельность?] И держится только газетными спорами ИНДЮКОВ!!! Эх, будет вам памфлет, который вы назовете бессильной злостью вражески [нрзб:]. Злость! Злость!!! Паршивцы²³.

¹⁸ Дневник А. Ожегова. Запись от 13.04.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

¹⁹ Дневник А. Ожегова. Запись от 01.09.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

²⁰ Дневник А. Ожегова. Запись от 21.03.1946. Сохранена орфография оригинального текста.

²¹ Дневник А. Ожегова. Запись от 30.01.1947. Сохранена орфография оригинального текста.

²² Дневник А. Ожегова. Запись от 19.02.1949. Сохранена орфография оригинального текста.

²³ Дневник А. Ожегова. Запись от 22.11.1946. Сохранена орфография оригинального текста.

Постепенно отчуждение трансформировалось в грубые строчки о друзьях, уничижительные оценки девушек, за которыми ухаживал, с которыми жил и даже строил планы на семейную жизнь.

При всем этом А. Ожегов не был маргиналом. Для школьника старших классов, а потом начинающего самостоятельную карьеру молодого литератора и публициста он успешен. Возглавил районный клуб, ездил с театром на гастроли, публиковал рецензии и статьи в местной прессе, получал неплохие гонорары. Несмотря на смерть отца, материальное положение в его семье было лучше, чем у большинства окружающих. В 15 лет у него присутствовали свободные деньги, он без колебаний тратил их на импульсивные покупки и развлечения. По стилю жизни, моделям поведения, местам и ситуациям, которые он описывал в дневнике, его можно считать представителем золотой городской молодежи. Беззаботность существования, которая отразилась в записях о досуге, демонстрировала, что утрата отцовского положения не была синонимом бедности и утраты престижа.

Для школьных товарищей, девушек, с которыми он встречался, А. Ожегов был привлекательным, веселым парнем, умевшим развеселить, рассказать интересную историю. Для окружающих он сохранял связь с партийной элитой, со статусными группами местного городского сообщества. В техникуме ему доверили провести несколько занятий по литературе и истории, заменить отсутствующего учителя. Руководство техникума видело в А. Ожегове сына бывшего секретаря обкома, начинающего карьеру активиста, к тому же начитанного и образованного, с опытом работы в творческой среде.

Жизненные осложнения ждали А. Ожегова в тех случаях, когда он оказывался в обезличенной роли. Его притязания, подпитываемые социальным воображением, оказывались несовместимы с коллективной реальностью людей, не знакомых с его прошлым или игнорирующих то, что он считал уникальным в себе. Воспоминания, к которым он регулярно обращается на страницах дневника, оказали чрезмерное влияние на оценки настоящего и ожидания от будущего. Воображение рисовало ему личные перспективы в образах яркого и блестящего

пути к признанию в качестве советского литератора, театрального критика, властителя умов и судеб окружающих. Реальность оказалась заметно иной. Воображаемое будущее рассыпалось на осколки по мере удаления от школьного прошлого. Его ждала карьера рядового журналиста, провинциального представителя социальной группы, обслуживающей нужды партийной и советской номенклатуры.

Дневниковые тексты показали, что сыну секретаря обкома Арнольду Ожегову оказались тесны рамки социализма, который обращался к массам, говорил на языке их ожиданий и чаяний. Вряд ли наш герой был знаком с трудами по теории элит В. Парето. Но его воображение воссоздало перед ним эталонные модели советского общества так, как если бы общественная система советского государства не только напоминала пирамиду, но и подчинялась закону о циркуляции элит и правилу распределения Парето²⁴.

Он видел в себе-литераторе естественного претендента на общественно-политическое признание и возвращение в группу избранных. Но в отличие от отца, продвигавшегося во власть по партийно-производственной карьерной траектории, собственное место в элите он обосновывал творческими и моральными способностями. Неравенство общественных групп, их различия и проистекающее из них право на власть, о котором говорил итальянский социолог, критикуя европейские демократии XIX в., для А. Ожегова ощущались оправданным психологическим барьером, подчеркивающим отличия его индивидуализированного Я от школьных сверстников и городской молодежи.

На протяжении войны он наблюдал, как усиливалась социальная дифференциация, как усложнялась жизнь у окружающих, но не ощутил масштабного влияния голода и дефицита на собственный быт. Образованность, навыки критического разбора литературных произведений и театральных постановок позволили ему заметить зазоры в идеологических текстах, соотнести образ коммунизма с окружающими его людьми, отношениями, институциональными порядками. Отказавшись от карьеры партийца и производственника, он попробовал в личных заметках наметить собственный путь

²⁴ Закон Парето, или эмпирическое правило парето-распределения, гласит, что 20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата. Применительно к проблемам власти это означает, что между элитарным меньшинством, контролирующим большую часть политических, экономических и социальных институтов, и большинством в любой социальной системе неизбежны различия, которые будут проявляться в интеллектуальных или физических способностях. Подобный дисбаланс будет приводить к естественному неравенству и его проявлениям через власть, богатство и социальные статусы.

в номенклатуру. В дневнике, излагая спонтанные мысли и суждения, подчеркивая индивидуализированный характер личных притязаний, сын покойного секретаря молотовского обкома ВКП(б) отредактировал социалистический проект под собственное Я.

Уральский подросток добавил социализму динамики, наделил его политическое устройство конкуренцией и сменой элит, приравнял политического чиновника к литераторам и тем самым серьезно усложнил иерархическое средо социалистического общества, лишил его структурные элементы классовой гомогенности. Но важнее всего, что, определяя собственное место в этом социальном проекте, он связал будущее социализма и советского общества с перспективами вхождения во власть и возможностями, которые это открывает представителям творческих сообществ, новых интеллектуалов, чей статус он рассматривал как естественный закон жизни. Сконструированный образ образованного карьериста он и примерил на себя. Люди, создающие литературные тексты, в его утопии стали автономной элитарной группой. Арнольд Ожегов хотел бы заменить политические догмы драматическим текстом. Его социальное воображение эгоистично переработало жизненный опыт подростка военной и послевоенной эпохи, когда различия материального благосостояния и достатка, явная социальная дифференциация городского сообщества стали вызовом социализму партийно-хозяйственной номенклатуры.

Заключение

Послевоенные дневники подростков по-разному рассказывают об их индивидуальной судьбе. Жизненный мир школы был для старшеклассников образцовым примером института социализма. На личном опыте они постарались соотнести догмы идеологии с собственным опытом. Их объединило стремление подкорректировать социализм под собственные нужды, наделить его индивидуальностью, адаптировать под себя. Стремление изменить существующий порядок, привести его в соответствие с трансцендентными представлениями об идеале, социальных грезах, опирающихся на коллективные образы гармонии коммунистического общества, превращало их дневниковые записи в утопический текст.

Авторы дневников игнорировали догматический язык, которым говорили с трибун, который

использовали советские журналисты и редакторы. Символически на страницах приватного текста они подстраивали общественные отношения под собственный жизненный мир. Их коммунизм должен был уместиться в границах подросткового воображения. Тем самым они создали текст о жизни советской молодежи, которая мечтала о счастливом будущем, но видела его преимущественно прагматично и утилитарно.

В своем желании перекроить социализм они не были одиночками. Как отмечал О. Л. Лейбович, импульс к пересмотру догматического социального порядка, основанного на ценностях аскезы и обличавшего комфорт городской повседневности в качестве мелкобуржуазного пережитка, шел сверху, от властных групп номенклатуры. Получив в годы войны право на относительную хозяйственную автономию, советские властные сообщества, стремились в послевоенный период сохранить и защитить обретенные блага: «В конфликтах сороковых годов обнаруживается проблема, в полной мере раскрывшаяся в иную, более позднюю эпоху. Я имею в виду проблему социальной дифференциации между командными группировками общества и трудовым населением: рабочими, колхозниками, мелкими служащими» [Лейбович 2008: 8–9].

Реальный конфликт утилитарной и догматической версии социализма еще впереди. Но основания для этого конфликта, определившего политическую реальность после смерти И. В. Сталина, зародились в послевоенное пятилетие. Они происходили в том числе и из умонастроений советской молодежи, стремившейся найти в мирном коммунистическом завтра место для себя, для собственных частных устремлений и тем самым воображавшей идеальный социализм в качестве новой утопии. Молодые люди критиковали реальный послевоенный социализм с позиций горожанина, заинтересованного в личном успехе, отдающего приоритет принципам рациональности и научности при познаваемости мира, уверенные в том, что большой мир социализма создавался для них. Книжная культура, вертикальная мобильность, готовность к трансформациям и социальная неоднородность – таким представал перед их воображением послевоенный социализм. Набор ценностей урбанистической культуры, с которым они сравнивали реальность повседневной жизни, вполне уместно рассматривать в качестве ядра молодежной версии коммунистической утопии.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. 543 с. [Bakhtin M. M. *Literary-critical articles*. Moscow: Khud. lit., 1986, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmugt>
- Бойм С. Как сделана «советская субъективность». *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 285–297. [Boym S. How is the Soviet subjectivity made? *Ab Imperio*, 2002, (3): 285–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pczpgb>
- Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: Акад. проект; ДНК, 2009. 416 с. [Brandenberger D. *National bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956*. St. Petersburg: Akad. proekt; DNK, 2009, 416. (In Russ.)]
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. [Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 808. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sguyor>
- Добренко Е. Сады соцреализма: к культурной топографии сталинской эпохи. *Revue des Études Slaves*. 1998. № 70-4. С. 889–908. [Dobrenko E. Gardens of Socialist Realism: Towards a cultural topography of the Stalin era. *Revue des Études Slaves*, 1998, 70(4): 889–908. (In Russ.)] <https://doi.org/10.3406/slave.1998.6560>
- Зарецкий Ю. П. Вступительное слово. In: Веселкова Н. В., Годунов К. В., Голубинов Я. А., Граматчикова Н. Б., Давыденко М. Г., Зарецкий Ю. П. и др. *Эго-документы: Россия в первой половине XX века в межисточниковых диалогах*. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 6–28. [Zaretskiy Yu. P. Introductory remarks. In: Veselkova N. V., Godunov K. V., Golubinov Ya. A., Gramatchikova N. B., Davydenko M. G., Zaretskiy Yu. P., et al. *Ego-documents: Russia in the first half of the 20th century in intersource dialogues*. Moscow-Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021, 6–28. (In Russ.)]
- Кабатков А. Н., Казанков А. И. Новая жизнь советского города. *Мир России. Социология. Этнология*. 2010. Т. 19. № 2. С. 131–147. [Kabatskov A. N., Kazankov A. I. New life for a Soviet city. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2010, 19(2): 131–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndswan>
- Каспэ И. М. От редактора. *Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?*, ред. И. М. Каспэ. М.: НЛО, 2013. С. 5–18. [Kaspe I. M. Editor's note. *Document status: Final document or alienated certificate?* ed. Kaspe I. M. Moscow: NLO, 2013, 5–18. (In Russ.)]
- Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в постсталинское время. *Антропологический форум*. 2004. № 1. С. 104–155. [Kelly C. "The school waltz": The everyday life of the post-Stalinist Soviet classroom. *Forum for Anthropology and Culture*, 2004, (1): 104–155. (In Russ.)]
- Коткин С. Говорить по-большевистски. *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период*, сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: СамГУ, 2001. С. 250–328. [Kotkin S. Kotkin S. Speaking Bolshevik. *American Russian studies: Milestones in recent historiography. The Soviet period*, comp. David-Fox M. Samara: SamSU, 2001, 250–328. (In Russ.)]
- Кукулин И., Майофис М., Сафронов П. Намывная острова: позднесоветская образовательная политика в социальных контекстах. In: Кукулин И., Майофис М., Сафронов П., Гальмарини М. К., Бачевич Я., Дмитриев А., Димке Д., Ковай М., Нойманн Э., Козлов Д., Ландаль И., Казаков Е., Беляева Г., Михайлин В., Ямбург Е. А. *Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. М.: НЛО, 2015. С. 5–32. [Kukulin I., Maiofis M., Safronov P. Washing islands: Late Soviet educational policy in social contexts. In: Kukulin I., Maiofis M., Safronov P., Galmarini M. K., Bachevich Y., Dmitriev A., Dimke D., Kovay M., Neumann E., Kozlov D., Landal I., Kazakov E., Belyaeva G., Mikhailin V., Yamburg E. A. *Islands of Utopia. Pedagogical and social design of the post-war school (1940–1980s)*. Moscow: NLO, 2015, 5–32. (In Russ.)]
- Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: УрГУ, 1995. 144 с. [Kupina N. A. *Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions*. Ekaterinburg-Perm: UrSU, 1995, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siqgfb>

- Лебеденко Е. Ю., Суржикова Н. В. Дневник (не)обыкновенной женщины: диалоги со временем и поиски себя. *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 1. С. 168–180. [Lebedenko E. Yu., Surzhikova N. V. Diary of a (non)ordinary woman: Dialogues with time and search for yourself. *Perm University Herald – History*, 2021, (1): 168–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-1-168-180>
- Лейбович О. Л. «На полке забытых книг...»: сталинская риторика 1950-х гг. и формирование новой хозяйственной политики. 1953-й. *Подведение итогов и выбор пути*: XV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г.) М.: РОССПЭН, 2023. С. 69–77. [Leybovich O. L. On the shelf of forgotten books...: Stalin's rhetoric of the 1950s and the formation of a new economic policy. 1953. *Summing up and choosing a path*: Proc. XV Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 21–24 Jun 2023. Moscow: ROSSPEN, 2023, 69–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/punbdi>
- Лейбович О. Л. В городе М.: очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. 2-е изд., испр. М. РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 295 с. [Leybovich O. L. *In the city of M.: Essays on everyday social life in the Soviet provinces in the 1940s–1950s*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2008, 295. (In Russ.)]
- Лейбович О. Л. Магия слов в советской культуре. *Русский язык в контексте современной культуры*: Междунар. конф. (Екатеринбург, 29–31 октября 1998 г.) Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 91–92. [Leybovich O. L. The magic of words in Soviet culture. *Russian language in the context of contemporary culture*: Proc. Intern. Conf., Ekaterinburg, 29–31 Oct 1998. Ekaterinburg: UrGU, 1998, 91–92. (In Russ.)]
- Лейбович О. Л., Колдушко А. А., Казанков А. И., Станковская Г. Ф., Чашухин А. В., Кабатков А. Н., Шабалин В. В., Кимерлинг А. С., Шевырин С. А. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. 2-е изд., перераб. М.: РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 318 с. [Leybovich O. L., Koldushko A. A., Kazankov A. I., Stankovskaya G. F., Chashchukhin A. V., Kabatskov A. N., Shabalin V. V., Kimerling A. S., Shevyrin S. A. *“Included in the operation”. Mass terror in the Kama region in 1937–1938*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN; Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2009, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suipf>
- Ляшок А. С. «Дети перестройки»: жизненные миры школьников 1980-х – 1990-х годов. *Вестник Пермского университета. История*. 2013. № 2. С. 148–155. [Lyashok A. S. “Children of Perestroika”: Life-worlds of schoolchildren in the 1980–1990s. *Perm University Herald – History*, 2013, (2): 148–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rckojr>
- Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с. [Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Moscow: Iurist, 1994, 700. (In Russ.)]
- Милютин Н. А. Проблема строительства социалистических городов. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 83 с. [Milyutin N. A. *The problem of building socialist cities*. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1930, 83. (In Russ.)]
- Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 25 с. [Mordvintseva A. V. *Post-war urban everyday life: Tyumen and Tyumen residents in 1945–1953*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2010, 25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zodiaj>
- Николаева В. Г. 97.03.024. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 1997. № 3. С. 169–196. [Nikolaeva V. G. 97.03.024. Wirth L. Urbanism as a way of life. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*, 1997, (3): 169–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hkuwbj>
- Савельева И. М. Личная история vs Великий нарратив в дневниках военного времени. In: Веселкова Н. В., Годунов К. В., Голубинов Я. А., Граматчикова Н. Б., Давыденко М. Г., Зарецкий Ю. П. и др. *Эго-документы: Россия в первой половине XX века в межисточниковых диалогах*. М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 29–60. [Savelieva I. M. Personal history vs. grand narrative in wartime diaries. In: Veselkova N. V., Godunov K. V., Golubinov Ya. A., Gramatchikova N. B., Davydenko M. G., Zaretskiy Yu. P., et al. *Ego-documents: Russia in the first half of the 20th century in intersource dialogues*. Moscow-Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021, 6–28. (In Russ.)]
- Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛО, 2007. 416 с. [Savkina I. L. *Conversations with a mirror and a looking glass: Auto-documentary women's texts in Russian literature of the 19th century*. Moscow: NLO, 2007, 416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsylvh>
- Сивков Д. Ю. Как работать с дневниками? *Пути России*. 2024. Т. 2. № 2. С. 31–35. [Sivkov D. Yu. How to work with diaries? *Puti Rossii*, 2024, 2(2): 31–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emmdao>

- Стась И. Н. Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске. *Антропологический форум*. 2022. № 52. С. 84–132. [Stas I. N. Urbanization in people's minds: Stalin's "right to the city", Soviet subjectivity, and citizenship practices in Khanty-Mansiysk. *Forum for Anthropology and Culture*, 2022, (52): 84–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-52-85-132>
- Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (вместо предисловия). *История в эго-документах: Исследования и источники*, науч. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6–13. [Surzhikova N. V. Ego-documents: Intellectual fashion or conscious necessity? (In lieu of a preface). *History in ego-documents: Research and sources*, ed. Surzhikova N. V. Ekaterinburg: AsPUr, 2014, 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztjmib>
- Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017. 424 с. [Hellbek J. *Revolution in the first person: Diaries of the Stalin era*. Moscow: NLO, 2017, 424. (In Russ.)]
- Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 225 с. [Fokin A. A. "Communism is just around the corner". *Visions of the future among the Soviet authorities and population at the turn of the 1950s and 1960s*. Moscow: ROSSPEN, 2017, 225. (In Russ.)]
- Фокин А. А. Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 78. С. 92–96. [Fokin A. A. Outposts of socialism: The cultural landscape of Ural towns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2022, (78): 92–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/78/12>
- Чашухин А. В. «Отсутствие целей урока ведет к безыдейности в преподавании истории». Габитус и дискурс работников отделов народного образования начала 1950-х годов. *Вопросы образования*. 2015. № 1. С. 234–251. [Chashchukhin A. V. "The lack of lesson objectives leads to the lack of progressive ideas in teaching history". *Habitus and discourse of people employed in local education authorities of the early 1950s*. *Educational studies*, 2015, (1): 234–251. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-234-251>
- Wirth L. Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 1938, 44(1): 1–24.